

ов = </ov/; 'мн. ч. род. пад'; окончание при основах муж. рода, не на шипящие и не на мягкие, II скл.).

В синтактиках языковых знаков могут указываться сведения и другого рода: не только о том, с чем может/не может синтагматически соединиться данный знак, но и о том, что происходит со знаком или с его синтагматическим партнером при их соединении. Так, для морфы *лоб-* в синтактике должно быть указано, что при соединении с ненулевым показателем числа—падежа в ее означающем выпадает /o/: /lób-/ ⇒ /l**ó**-á/, в отличие, например, от *зоб-*; кроме того, для этой морфы надо указать род — им определяется форма согласуемых прилагательных и глагола-сказуемого в прошедшем времени; и т. д.

Между синтактикой языкового знака, с одной стороны, и его означающим и означаемым — с другой, существует тесная связь, так что границы здесь могут быть достаточно условны. Род и одушевленность русского существительного — это, бесспорно, элементы его синтактики, однако и род и особенно одушевленность сильно коррелируют с семантикой, т. е. с означаемым существительного; очень часто трудно решить вопрос, куда целесообразнее записать некоторую информацию: в словарное толкование (= в означаемое) слова или в сведения о его сочетаемости (= в синтактику); означающее морф типа *лоб-* можно записать в таких абстрактных единицах (например, ЛЮВ, где *Ю* ⇒ /o/ перед нулевой флексией и в некоторых других случаях — перед суффиксами *-ов-*, *-аст-*, ...), что указание о «беглости» в синтактике будет излишним. Мы не хотели бы здесь углубляться дальше в эти весьма интересные, но все же побочные для нас вопросы. Пока нам будет достаточно принять, что в языковом знаке есть полноправный компонент, стоящий «на одной доске» с означающим и означаемым: синтактика, характеризующая языковую, «грамматическую» сочетаемость знака. Важно, что синтактика задает только ту сочетаемость знаков, которая определяется именно данным языком, а не какими-либо внеязыковыми факторами. «Несочетаемость» (или «аномальная сочетаемость»?) слов в противоречивых, заведомо ложных, абсурдных и тому подобных выражениях объясняется несочетаемостью означаемых в силу некоторых универсальных, не привязанных к конкретному языку законов общесемантического характера¹³: ср. *Чернело нечто белое, Шесть из трех девочек, Мучительно гетероплановая сковородка из релевантности* и прочие *яростно спящие идеи*. Подобная несочетаемость не может и не должна оговариваться в описании того или иного конкретного языка, т. е. в синтактике его знаков. Однако несочетаемость типа **для увидеть* отнюдь не вытекает из смысла соответствующих слов или из знания фактов действительности. Это просто свойство русского языка, запрещающего все комбинации «предлог + инфинитив», тогда как, например, во французском или испанском комбинации многих (но все же не всех!) предлогов с инфинитивом допустимы: *à partager, de lire, sans parler, pour voir* и т. п.; нигде, кроме как в синтактике, подобные факты не отразить¹⁴. Таким образом, синтактикой описывается исключительно языковая (грамматическая — в самом широком смысле этого слова) комбинаторика знака.

Очевидно, что основные типы сведений, относящиеся к синтактике: часть речи; синтаксический подкласс; тип парадигмы (= сочетаемость с определенными аффиксами); род и (синтаксическая) одушевленность у существительных; управление (прежде всего у глагола, но и у других

¹³ Предварительный перечень подобных законов или, точнее, требований к правильной семантической структуре см. Л е й к и н а Б. М. К проблеме семантической правильности. — Научно-техническая информация, серия 2, 1971, № 7, стр. 24—28.

¹⁴ Не требуется, конечно, помещать в синтактику каждого русского инфинитива индивидуальные указания о его несочетаемости с каждым предлогом; в синтактике инфинитивов (и предлогов) достаточно иметь одну помету, сокращенно представляющую все их сочетаемостные свойства в данном отношении (например, помету «инфинитив») и используемую некоторым общим правилом или правилами грамматики.